

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ТРУДЫ ОТДЕЛА
ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

XXIX

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ
РУССКОЙ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

*Памяти Варвары Павловны
Адриановой-Перетц*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1974

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Варвара Павловна Адрианова-Перетц— организатор исследовательской работы

В течение многих лет Варвара Павловна была главой и организатором изучения древней русской литературы. С момента образования Отдела древнерусской литературы в Пушкинском Доме (1934 г.) она была фактически его руководителем, ведя на правах секретаря всю организационную работу при заведующем — акад. А. С. Орлове, привлекая докладчиков, выполняя техническую работу по созыву совещаний, по составлению и редактированию Трудов Отдела древнерусской литературы.

Быть организатором не означало для В. П. только «возглавлять». Как организатор В. П. прежде всего принимала на себя всю черновую работу. Она сама вела переписку с будущими участниками коллективных трудов, обсуждая в своих письмах во всех деталях направление, характер будущей работы, ее основные идеи и т. д. При этом В. П. указывала на недостатки прежних работ своего будущего сотрудника, умела заставить его отказаться от своих прежних, не всегда правильных взглядов, иногда выраженных в книгах и солидных исследованиях. Так было, например, перед самой войной с главой о «Задонщине» и «Сказании о Мамаевом побоище», заказанной ею С. К. Шамбинаго — автору солидного исследования «Повести о Мамаевом побоище».¹ В. П. сумела переубедить его в некоторых положениях, развивавшихся им в его исследовании. В результате раздел С. К. Шамбинаго о «Задонщине» и «Сказании...» в 1-й части т. II «Истории русской литературы»² оказался иным, более точным сравнительно с его прежними исследованиями по этим памятникам.

Получив рукописи, В. П. занималась не только генеральным, но и их детальным редактированием, проверяя библиографические сноски, исправляя стиль, фактические данные и, главное, соединяя их с остальными частями коллективного труда, создавая единство концепции, а подчас — и объединяя их стилистически. Нередко при этом присланные авторами материалы сокращались ею наполовину и больше. Так было, например, с интереснейшей статьей, вернее — исследованием В. Л. Комаровича о Лаврентьевской летописи. Исследование это вошло в «Историю русской литературы»³ только в той ее части, в которой оно могло быть согласовано с самым типом изложения в этом издании.

С самого начала Отдел стал центром изучения древнерусской литературы, в работе которого на общественных началах принимали участие все ленинградские и московские специалисты. На заседания Отдела при-

¹ С. К. Ш а м б и н а г о. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906.

² История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, стр. 201—225.

³ Там же, стр. 90—96.

ходили не только его сотрудники (А. С. Орлов, В. П. Адрианова-Перетц, И. П. Еремин, М. О. Скрипиль, В. Ф. Покровская и Д. С. Лихачев), но и все, кого интересовала древняя русская литература, начиная от студентов и кончая академиками (отметим акад. Е. Н. Павловского, собиравшего древнерусские рукописные учебники, лингвиста акад. В. М. Ляпунова, члена-корр. Е. С. Истрина, проф. Б. А. Романова, проф. Б. А. Ларина, проф. В. Е. Вальденберга, В. Л. Комаровича, В. Г. Геймана, проф. П. Н. Беркова, проф. В. Г. Чернобаева, Н. Н. Зарубина, Е. А. Рыдзевскую, В. В. Данилова, М. А. Яковлева).

После смерти акад. А. С. Орлова (1946 г.) В. П. становится заведующим Отделом древнерусской литературы, вскоре переименованным в Сектор древнерусской литературы. С этого момента происходит быстрое расширение штатных сотрудников Отдела. В Сектор были приняты В. И. Малышев, Л. А. Дмитриев, П. Ф. Дробленкова, А. П. Евгеиьева (вскоре затем перешедшая в Институт языкознания АН СССР).

Приглашая в Сектор древнерусской литературы сотрудников (в основном состав его сложился при В. П.), В. П. уделяла главное внимание моральному облику будущих его членов. Особенно опасалась она принять карьеристов, справедливо придавая большое значение общей дружеской атмосфере, которая должна царить в научном коллективе. Она также считала, что честность в отношениях между научными работниками — показатель честности в самой научной работе. Воспитанная в дружеской атмосфере Перетцовского семинария, В. П. стремилась установить такие же дружеские отношения со всеми членами Сектора: она приглашала их к себе, пока это ей позволяло здоровье, давала на прочтение и дарила книги из собственной библиотеки, всегда помнила и поздравляла с семейными праздниками каждого. Было очень жаль, что при своей исключительной общительности, доброжелательности и интересе к людям, к общественной жизни она не могла последние годы выходить из дому и должна была довольствоваться почтой и редкими приглашениями к себе.

Вспоминая отношение, которое существовало в Семинарии В. Н. Перетца, к своему учителю, В. П. придавала особенное значение тому, как относится молодежь к своему руководителю, и никогда не прощала измен своим руководителям, хотя бы и мелких.

С выходом в 1954 г. на пенсию В. П. продолжала быть «игуменьей» секторского «монастыря», как шутливо, но и с уважением называли В. П. сотрудники Сектора. Она уже не могла часто посещать Пушкинский Дом, а вскоре совершенно прекратила свои выезды в институт, но интересовалась его жизнью, руководила рядом исследований, редактировала труды, занималась с молодежью и незаметно, но настойчиво оказывала влияние на все дела и работу Сектора.

В. П. придавала большое значение способности ученого к обобщениям, но одновременно не любила «чистюль» — исследователей, не умеющих делать черновую работу: править рукописи, уметь подводить варианты, устанавливать историю текста и т. д. Поэтому, рекомендуя молодым научным работникам темы для их кандидатских диссертаций, В. П. всегда обращала их внимание на необходимость всесторонне исследовать памятник, начиная с собирания списков и кончая заключительными выводами. Кандидатская работа над памятником должна была, по мысли В. П., научить молодого ученого всем видам филологической и литературоведческой работы.

Не всякий исследователь, говорила В. П., имеет право на широкие обобщения. Это право дается только долгими годами черновой работы над рукописями. И если мы обратим внимание на собственный научный

путь В. П., то заметим, что к широким обобщениям она обратилась только в пожилые годы. Вначале она занималась только конкретными исследованиями. Она не пренебрегала ни описаниями рукописей, ни библиографией, ни отчетами о работе Семинария Перетца. Хотя если просмотреть темы этих конкретных исследований, то мы увидим, что уже в самом выборе их было видно направление ее мысли: в центре внимания В. П. находились памятники демократической литературы, взаимоотношения литературы и фольклора, народная книга, пословицы, загадки, фацеции, пародийная литература, различного рода хождения.

К ее выдающимся способностям организатора науки следует отнести и ее умение ценить новое в исследованиях, а также умение отделять ценные результаты от мнимых, рассчитанных только на внешний эффект.

Как ученый со специфическим, складом ума — мыслить конкретно, В. П. хорошо знала цену живой связи наук, посвященных одному объекту: Древней Руси. Поэтому она охотно приглашала во все коллективные труды не только литературоведов-медиевистов, но и историков, искусствоведов, лингвистов, источниковедов и т. д. Так, в тринадцатитомной Истории русской литературы — в тома, посвященные древнерусской литературе, — она пригласила участвовать наиболее замечательных из живших тогда русских историков — М. Д. Приселкова и Б. А. Романова, лучших специалистов по древнерусскому искусству — Д. В. Айналова и Н. Н. Воронина, крупного источниковеда Б. М. Боровского.

В Трудах Отдела древнерусской литературы, в первых томах, которые собирались и готовились к печати также В. П., она печатала исследования специалистов по западным литературам — М. П. Алексеева, по фольклору и истории русского языка — А. П. Евгеньевой и др.

Широкая связь с представителями разных других специальностей стала важной особенностью работы Сектора древнерусской литературы. Особенность эта может быть прослежена во всех его изданиях, к которым зачастую привлекались не только отечественные ученые, но и иностранные — по преимуществу из славянских стран.

Связь с историками была особенно важной в методологическом отношении. Эта связь позволила поставить изучение древней русской литературы на прочную историческую базу. Так, когда понадобилось перед войной выработать более детальную, чем было до того принято, периодизацию истории древнерусской литературы, — историческая периодизация, положенная в основу литературной, сыграла свою существенную и положительную роль. Начинать с нее было во всяком случае необходимо. И действительно, движение истории, лежащее в основе историко-литературных перемен, хотя и не исчерпывало собой последних, тем не менее являлось также основой периодизации. Сейчас к этой периодизации нужны только поправки, учитывающие литературную специфику, специфику историко-литературного процесса.

Нельзя не упомянуть и о выступлениях В. П. в Секторе и на заседаниях ученого совета института. Эти выступления не были многословны и «красноречивы». Она говорила просто, удивительно ясно по мысли. Ее речи были всегда хорошо построены, логичны и деловиты. Она усвоила старые академические традиции — говорить коротко и для определенного конкретного решения, не стремясь произвести впечатление на аудиторию и ни в коем случае не «ораторствовать», что считалось дурным тоном.

Личность В. П. как ученого отразилась и отражается в работе ее Сектора — Сектора древнерусской литературы.